

В то же время чиновник из Приказа чинов достал еще один императорский указ:

— Указ. Внемля воле Небес, император жалует: Сюй Сы, императорский регистратор Центрального секретариата, служил ревностно и безупречно, выказывая благонравие и изящество слога. Ныне он жалуется повышением до чина четвертого ранга и назначается на должность начальника отдела Юйбу Приказа общественных работ с предписанием немедленно приступить к исполнению обязанностей. Повелеваю исполнить. Первый месяц двадцать восьмого года эры Кайпин.

Все присутствующие были поражены. Тан Шэнь и Сюй Сы первыми приняли императорские указы.

Когда чиновники из Приказа чинов ушли, собравшиеся принялись наперебой поздравлять Сюй Сы и Тан Шэня с повышением. Сюй Сы горько улыбнулся:

— Благодарю вас, уважаемые коллеги.

Повышение с должности императорского регистратора пятого ранга до начальника отдела четвертого ранга в Приказе общественных работ казалось успехом лишь на первый взгляд. На деле же Сюй Сы отныне покидал средоточие императорской власти и лишался возможности регулярно представлять пред очи Его Величества. Для императорских регистраторов и секретарей обычно существовало лишь два пути: либо прямое продвижение по службе в Центральном секретариате, например до должности секретаря Центрального секретариата, что позволяло и дальше часто видеть государя, либо полное отдаление от престола.

Возможно, Сюй Сы в будущем и поднимется выше четвертого ранга, но вернуться в Центральный секретариат ему теперь вряд ли удастся. Перейдя из Центрального секретариата в Департамент министерств, в будущем, если только он не займет пост министра, ему никогда больше не войти в Центральный секретариат — истинное средоточие власти.

Затем присутствующие снова поздравили Тан Шэня.

Тан Шэнь с удивлением в глазах сложил ладони в приветствии:

— Благодарю вас, уважаемые коллеги.

Во взгляде, который Сюй Сы бросил на Тан Шэня, сквозила легкая зависть.

Перемещение двух чиновников четвертого и пятого рангов для императорского двора было не более чем легкой рябью на воде, не поднявшей даже брызг. Однако едва миновал Новый год в двадцать восьмой год эры Кайпин, как император Чжао Фу огласил указ: проложить от Шэнцзина на север еще один казенный тракт и прорыть новый канал!

Это известие повергло придворных в крайнее изумление.

Левый заместитель министра финансов Сюй Линхоу сделал шаг вперед и заговорил:

— Ваше Величество, с тех пор как в десятый год эры Кайпин государства Сун и Ляо заключили мирный договор, прошло уже восемнадцать лет. Однако все эти годы нас не оставляют стихийные бедствия. Не станем заглядывать далеко: всего три года назад юг пострадал от снежной бури, а в прошлом году в Хэнани случилась великая засуха. Государственная казна истощена. Прошу Ваше Величество трижды подумать, прежде чем начинать строительство казенного тракта и канала!

Правый заместитель министра общественных работ Сэ Чэн взмахнул рукавом и возразил:

— Наши государства избегают войны вот уже восемнадцать лет. От сотворения мира бедствия никогда не прекращались. Раз уж нет войн, а есть лишь природные невзгоды, почему же казна пуста? Или заместитель министра Сюй хочет сказать, что в годы правления Его Величества бедствий случается больше, чем прежде?

Ван Чжэнь поначалу слушал спор с безучастным видом, но, услышав эти слова, слегка приподнял веки и окинул Сэ Чэна взглядом.

Лицо Сюй Линхоу залила краска:

— У меня и в мыслях того не было! Казенный тракт — дело одно, но испокон веков рытье каналов лишь изнуряло народ и разоряло казну. Уповаю, что Ваше Величество отложит сроки и не станет требовать всего и сразу.

Сэ Чэн продолжил настаивать:

— По мнению твоего слуги, Великий канал прежней династии, бравший начало в Шэнцзине и уходивший на юг до Цяньтана, уже связал нас с южными землями. Если прорыть еще один канал на север, то отныне северные и южные земли сольются воедино, что принесет благополучие на тысячи лет вперед!

На какое-то время зал заседаний наполнился голосами спорящих сановников.

Чжао Фу восседал на троне. Когда сановники накричались до хрипоты и у них не осталось сил препираться, он обратился к министру общественных работ Юань Му:

— Что думает об этом министр Юань?

Юань Му сделал шаг вперед и склонился в поклоне:

— Соединение с севером принесет пользу на многие поколения. Твой слуга полагает, что сие решение превосходно.

Чжао Фу перевел взгляд на Ван Чжэня:

— А ты что думаешь, Цзыфэн?

Ван Чжэнь вышел из строя чиновников и поклонился:

— В древности император Ян-ди связал империю с югом, принес пользу сотням поколений. Намерение Его Величества соединить империю с севером и полностью связать южные земли с северными — это, несомненно, великое свершение на века. Однако император Ян-ди прокладывал канал на юг потому, что южные края изобилуют реками и ежегодно омываются обильными дождями. На севере же Великой Сун рек мало, зато засухи случаются постоянно. Твой слуга полагает, что от прокладки канала пока стоит воздержаться. Вместо этого лучше построить три казенных тракта, которые свяжут столицу с востоком, западом и севером.

Чиновники Финансового приказа тут же подхватили:

— Ваши слуги разделяют это мнение!

Юань Му посмотрел на Ван Чжэня, который стоял с опущенными глазами, и подумал:

«Говоришь без единого изъяна, а на деле просто хочешь сэкономить денег». Мысленно осыпав Ван Цзыфэна проклятиями, Юань Му, однако, понимал, что рытье канала на север действительно разорительно для народа, а потому произнес:

— Твой слуга разделяет это мнение.

Чжао Фу кивнул:

— Да будет так, как сказал Цзыфэн. Собрание окончено.

После окончания совета Юань Му преградил Ван Чжэню путь на дворцовой аллее. Ван Цюань слегка улыбнулся, а Господин Юань в замешательстве произнес:

— Неужели и впрямь нельзя прорыть канал?

— Даже если Финансовый приказ раскошелится, сможет ли твой Приказ общественных работ построить его? — спросил Ван Чжэнь.

Юань Му лишился дара речи.

Его Приказу общественных работ и впрямь было не под силу прорыть Великий канал на север!

В этот момент к ним подошел старший евнух Цзи Фу. Он поклонился и обратился к Ван Чжэню:

— Ван Цюань, Вас призывает Его Величество.

Ван Чжэнь последовал за Цзи Фу во Дворец Чуйгун.

При встрече Чжао Фу, казалось, пребывал в добром расположении духа. Он сразу с улыбкой спросил:

— Цзыфэн, неужели ты все знал заранее?

Ван Чжэнь огляделся по сторонам. Дежурным императорским регистратором сегодня был Ли Шу, а императорским секретарем — некий Го Хуэй. Оба они пользовались полным доверием Чжао Фу. Когда правитель призывал Ван Чжэня для тайного разговора, эти двое делали вид, будто ничего не замечают, и не вносили эти беседы в «Записи о жизни и деяниях».

— Твой слуга не понимает, о чем говорит Его Величество, — в недоумении ответил Ван Чжэнь.

Должно быть, государь действительно был в прекрасном настроении. Он сошел с возвышения и обошел вокруг Ван Чжэня, внимательно его разглядывая, после чего проговорил:

— Так ты и вправду не знал! В таком случае вы с младшим братом по обучению понимаете друг друга без слов.

Ван Чжэнь задумался на мгновение и тут же восстановил всю картину событий.

На сегодняшнем утреннем приеме Чжао Фу внезапно объявил о намерении проложить казенный тракт и прорыть канал. Этот план был совершенно неосуществим: во все времена рытье каналов требовало колоссальных людских и денежных трат. А прокладывать водный путь на север и вовсе было делом неслыханным, способным опустошить государственную казну дочи́ста.

Чжао Фу не был глупым правителем. Напротив, за двадцать восемь лет своего царствования он уверенно направлял дела империи, искусно удерживая равновесие между влиятельными группировками при дворе. С самого начала он и не помышлял о канале, его истинной целью были три казенных тракта, ведущих прямо на север. Сначала он выдвинул заведомо невыполнимое предложение, а дождавшись возражений со стороны чиновников, сделал вид, что уступает их доводам, и согласился на строительство трех дорог.

Ван Чжэнь прекрасно это понимал. Понимали это и другие советники на утреннем приеме, а потому все дружно подыграли Чжао Фу, подведя дело к строительству трех трактов.

Ван Чжэнь лишь не ожидал, что за всем этим стоит фигура его младшего брата.

Выйдя из Дворца Чуйгун, Ван Чжэнь через свои связи отыскал Цзи Фу и кое-что разузнал. Оказалось, что перед самым Новым годом Тан Шэнь подавал императору докладную записку. Сопоставив это с недавним внезапным назначением Тан Шэня на должность императорского регистратора пятого ранга, Ван Чжэнь снял с пояса нефритовый флакон для благовоний и стал задумчиво вертеть его в руках.

— Цзинцзэ, ах Цзинцзэ, ты не перестаешь удивлять меня.

Строительство дорог, да еще трех казенных трактов, ведущих на север, вмиг обеспечило работой весь двор.

Финансовому приказу надлежало выделять средства, Приказу чинов — распределять людей, Военному приказу — обеспечивать безопасность вдоль путей... Но больше всего хлопот досталось Приказу общественных работ. Строительством ведал входящий в его состав отдел Юйбу, отвечавший за леса, озера, дороги и ремесла. После указа императора всех чиновников Юйбу распределили по маршрутам трех будущих трактов. Из-за того что работы велись одновременно в трех направлениях, людей в Юйбу катастрофически не хватало, поэтому специалистов начали спешно переводить из Водного отдела и ведомства Вэньсы.

Мэй Шэнцзэ служил в Водном отделе при Приказе общественных работ. В конце прошлого года они едва закончили перестройку Пруда Тайе и не успели даже перевести дух, как его откомандировали в отдел Юйбу.

Девятнадцатого числа первого месяца Мэй Шэнцзэ должен был покинуть Шэнцзин и отправиться в Ючжоу.

— Уезжаю, и Бог весть когда вернусь! В лучшем случае — в следующем году, — Мэй Шэнцзэ поднялся с чаркой в руке в Тереме Сися и с горькой усмешкой обратился к бывшим соученикам по Академии Гоцзыцзянь. — Все твердят, будто мне улыбнулась удача: пускай я и не попал в первую степень на экзаменах, зато после испытаний в Приказе чинов меня оставили в Шэнцзине, не отправив в глушь. Но поверьте, друзья, уж лучше бы меня сослали в провинцию!

В честь его отъезда соученики по Академии Гоцзыцзянь собрались в Тереме Сися, чтобы устроить проводы.

Лю Фан тоже остался на службе в столице и теперь занимал должность в Финансовом приказе. Он поднял чарку:

— Ну что ты такое говоришь, брат Шэнцзэ! Строительство трех трактов сейчас — важнейшее государственное дело.

— Дело-то важнейшее, — вздохнул Мэй Шэнцзэ, — да только какая выгода от этого мне, мелкому чиновнику шестого ранга?

Друзьям оставалось лишь подкладывать ему еду да подливать вина. Мэй Шэнцзэ с горя пил без удержу и вскоре захмелел. Тан Шэнь попросил Управляющего Лу подыскать для него тихую отдельную комнату, чтобы тот мог поспать. К вечеру Мэй Шэнцзэ проснулся с тяжелой головой. Бывшие соученики по Академии Гоцзыцзянь уже разошлись, рядом оставался только Тан Шэнь.

Еще во времена учебы в Академии Гоцзыцзянь Мэй Шэнцзэ был ближе всего с Тан Шэнем. Теперь, когда они остались наедине, он отбросил всякое притворство и принялся изливать душу:

— Цзинцзэ, ну за какие грехи мне все это? Другие остаются в столице и строят блестящую карьеру. А я? Стоило сделать шаг, как угодил в Приказ общественных работ. То пруды чистил, теперь вот дороги мостить посылают. Десять лет просидел за книгами, читал мудрецов... Знал бы, что так обернется, не конфуцианство бы изучал, а читал труды ремесленников!

Тан Шэнь налил ему чашку отрезвляющего чая:

— Ну не преувеличивай, все не так уж плохо.

<http://bllate.org/book/18292/1754538>